

ТРАНСЛЯЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИМПУЛЬСОВ И МЕСТНЫЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

Попытки осмысления и объяснения исторического процесса неизбежно приводят к поиску методико-методологических подходов, на первый взгляд, взаимоисключающих друг друга. При определенном упрощении их можно свести к двум направлениям: макро- и микро-описаний. Стремление человеческой мысли к универсальности порождает соблазн конструирования макротеорий, претендующих на полную и абсолютную интерпретацию любых социо-культурных и социально-экономических трансформаций, переживаемых человечеством на различных этапах его существования. Развитие обществоведения нового и новейшего времени имело своим результатом формирование трех влиятельных социологических макротеорий, активно применяемых в исторической науке: формационной, цивилизационной и модернизационной¹. Однако неизбежное «спрямление» исторического процесса, свойственное любым макротеориям, пренебрежение деталями, многочисленными региональными, локальными особенностями, невозможность привести к «единому знаменателю» все богатство разнообразия жизни рано или поздно приводят к кризису макротеорий, к осознанию их «неуниверсальности», к дискредитации самой идеи широких обобщений и к формированию «недоверия в отношении метарассказов»². Одной из реакций на подобную ситуацию выступает отказ от попыток макроконструирования как такового, обращение к практикам микроисторических исследований, созданию «интровертных» типов «местных историй»³, ориентированных на узко краеведческий формат и порождающих ситуацию мелкотемья, накопления совокупности локальной фактологии, изолированной от более или менее широкого исторического контекста.

Новейшая отечественная историография за последние двадцать с небольшим лет в полной мере испытала на себе и разочарования мета-

рассказа (в рамках формационного объяснения), и соблазн его быстрого восстановления на основе новой, «обновленной», «более адекватной» макротеоретической базы (цивилизационной или модернизационной), и прелести микроподходов антропологической интерпретации исторического процесса, и сегментацию исторического знания явленную как глубокой специализацией разработки отдельных сюжетов, так и краеведчески ориентированной, «интровертной» истории локалов, о которой упоминалось выше. И даже если в результате все перечисленных поисков кризис отечественной исторической науки так и остался непреодоленным⁴, то по крайней мере два обстоятельства могут не внушать оптимизма. Во-первых, ни один из практикуемых подходов или методологических вариантов не превратился (несмотря на соблазны) в официально-довлеющий, имеющий статус «идеологического монизма». Во-вторых, при всей дискретности современной исторической науки (или, скорее, профессионального сообщества историков) можно с долей осторожности констатировать попытки примирения или сближения макро- и микроподходов в изучении исторического наследия, поиск того баланса, той «золотой середины», которая, конечном счете и является залогом гармоничного развития процесса познания в целом. В этом смысле импульсы к методико-методологическому сближению приходят из обеих «лагерьей».

С одной стороны, несомненную способность к эволюции, а значит — неисчерпанность эпистемологических и эвристических возможностей, продемонстрировала модернизационная теория. Современная версия модернизационного анализа (неомодернизационный анализ, взявший начало с конца 1980-х гг.) постепенно освобождается от издержек и недостатков, свойственных классической теории модернизации 1960-х гг. В контексте сказанного принципиально важно то, что «теоретическое ядро современной версии модернизации» формируется с учетом признания национальных моделей модернизации имеющих местную социокультурную окраску; акцентирования внимания на роли коллективных и индивидуальных социальных акторов модернизационных процессов в конкретной исторической ситуации осознания возможности различного поведения отдельных сегментов модернизирующегося общества; признания диалектического единства традиций и новаций в обществе модернизационного перехода и т.п. Интерес к истории и роли реальных посредников модернизационных импульсов в стране-«реципиенте», представление о рецепции модернизационных идей как активного, встречного и многопланового процесса, полного осознанных отборов и адаптаций, характерен для целого направления европейской (в первую очередь французской и англо-германской) историографии⁶.

С другой стороны, можно привести разнообразные примеры осознанного использования микроподходов и результатов исторического микроанализа в дальнейшем конструировании широких обобщений в рамках национальной (страновой) и всеобщей истории. Это может происходить как с помощью особой заданности целеполагания микроисторического исследования, когда история локуса реконструируется как модель для осмысления надлокальных и глобальных процессов («история в малом», о которой писал, например, Ю.Л. Бессмертный⁷), так и путем выбора масштаба объекта исследования: некоего «мезообъекта», позволяющего применить по отношению к себе методы микроанализа, но являющегося по своей природе явлением надлокальным, или, пользуясь словами Л.П. Репиной, локально-территориальной структурой среднего звена, феноменом вторичного, регионального уровня, «более крупного масштаба, чем городские и сельские приходские общины»⁸. Но в любом случае, историки, серьезно и продуктивно практикующие микроисторические методы, признают смысл локальных штудий в их контекстной включенности в широкое пространство исторического макропроцесса, осознавая потребность в интегральной программе исторического анализа⁹.

В свете сказанного хотелось бы поделиться некоторыми соображениями о возможности использования микроподходов в изучении региональных элит петровской и постпетровской эпох и дальнейшего использования полученных результатов в осмыслении модернизационного развития России в XVIII в. Известно, что в большинстве случаев осознанное стремление к модернизации системы общественных отношений в той или иной стране формируется в среде правящей элиты и организуется верховной властью. В России, во всяком случае, это до сих пор обстояло так. Попытки Петра I реорганизовать страну по примеру европейских государств, создать в России образцовое *Polizeistaat*, на первый взгляд обернулось весьма весомыми результатами. Успехи части петровских преобразований известны и не нуждаются в очередных перечислениях. Однако уже среди современников и особенно ближайших потомков «поколения реформ», во второй половине XVIII в. находилось достаточное количество скептиков, отрицавших как достижения императора-преобразователя, так и саму целесообразность предпринятых усилий. Однако, думается, сегодняшнему исследователю петровского царствования (как и исследователю реформационных, или модернизационных процессов в России), не столь важно рассуждать о пользе или неполезности (оправданности или ненужности) реформ, сколько о механизмах их проведения, и в частности, о «человеческом факторе» модернизационных преобразований. Нет необходимости доказывать, что масштабные мероприя-

тия, вроде предпринятых Петром I, в своем конечном результате зависели от готовности и способности их реализации и восприятия обществом. Еще важнее помнить, что судьба подобных мероприятий в России напрямую зависела от отношения к ним госаппарата, бюрократии всех уровней, и в этом смысле роль местной бюрократии может оказаться не меньшей, если не большей, чем роль центральной.

В самом деле, если представить себе царя и его ближайшее окружение в качестве некоего источника модернизационных импульсов, то конечный их «потребитель» — общество (в широком смысле этого слова), или подданные, находящиеся в том социокультурном состоянии, в каком их застали преобразования, едва ли были способны воспринять и усвоить эти импульсы без посредничества определенных «агентов» модернизации. Этот тезис становится абсолютно аксиоматическим, если учесть исторический контекст начала XVIII в.: силу традиционных институтов в России, огромную и разнородную ее территорию, очень неблагоприятную демографическую структуру и проблемные коммуникации (как по их физическому состоянию, так по плотности и конфигурации) и т.п. Кто был способен выступить в роли таких агентов? Очень немногие. Крайне ограниченный круг «западников», «доставшихся» Петру от предшественников (заметим сразу, что по политическим, а порой и человеческим мотивам, этот разнородный и малочисленный контингент очень выборочно был востребован реформатором). Контрактеры-иностранцы, которые в силу самой природной принадлежности к европейской культурной традиции, в зависимости от индивидуального уровня образованности и личных качеств могли играть роль проводников модернизационных новаций. Эти две исходные группы потенциальных помощников реформатора активно им использовались, но их было достаточно лишь для покрытия самых минимальных кадровых потребностей, преимущественно в системе военного и центрального гражданского руководства. В любом случае, роль проводников и ретрансляторов упомянутых модернизационных импульсов всем своим бременем должна была лечь на *уже имевшийся* административный ресурс. Конечно, понимая его специфическое качество, монарх предпринимал воистину титанические усилия для его «улучшения». В этом смысле достаточно вспомнить организованные поездки дворянской молодежи для обучения за границу, попытки создания разноуровневой системы образования (с первых специализированных учебных заведений вроде шляхетского корпуса до затеи с коллегии юнкерами и подьячими, отправленными на стажировку в Кенигсберг и т.п.). Разумеется, самой массовой, хотя и весьма своеобразной, системой кадровой подготовки стала военная служба в реформируемых армии и флоте (отсюда — широкое исполь-

зование военных в статской службе в последние годы правления Петра и после его смерти). Но, повторю еще раз, все это было слишком недостаточным в масштабах страны и не могло заменить собой развернутой и пригодной к модернизационным приемам системы государственного управления с достаточным штатом «модернизационно ориентированного» чиновничества.

Общий взгляд на управленческую ситуацию петровского царствования показывает, что к концу его правления она оказалась на грани коллапса, чего не было даже в самые сложные периоды истории XVII столетия (за исключением времени Смуты, когда сама государственность оказалась уничтожена). Примечательно, что наибольшие проблемы в организации управления по «европейской модели» были связаны с организацией административного делопроизводства (документирования, документооборота и архивного хранения документов). Попытки наладить функционирование делопроизводства в соответствии с принципами камерализма, выразившиеся во внедрении коллегияльности, специализации и унификации делопроизводства посредством принятия соответствующих норм (различного рода регламенты, включая Генеральный, и инструкции), приводили лишь ко все большей запущенности «в делах» и вынуждали верховную власть к применению чрезвычайных методов управления и контроля (розыскные, ревизионные и переписные канцелярии, «понудительство», полковые штабные дворы и проч.). Обвальное количество документов буквально привело к оцепенению канцелярских штатов страны, особенно в местных учреждениях. Разбирая многолетние завалы отчетности, канцелярские работники вынуждены были работать до 19 часов в сутки, находясь, порой, под административным арестом и не получая жалованья¹⁰. Среди наиболее частых претензий, из-за которых документация не принималась вышестоящими инстанциями, звучало то, что она оформлена «не против обрасца» (т.е. не соответствовала новым требованиям). Говоря современным языком, это означало, что канцелярские работники с большим трудом воспринимали европеизированные формы делопроизводства. Столь же тяжело приживались в канцелярском обиходе новые должностные номенклатуры и структурная организация подразделений в административных учреждениях местного уровня. В совокупности это свидетельствует о том, что самая многочисленная категория госаппарата оставалась невосприимчивой к модернизационным посылам, гасила их в своей среде, продолжая репродуцировать традиционные методы управленческой практики приказного типа¹¹. Важно при этом подчеркнуть, что указанная невосприимчивость к новациям не была следствием осознанного нежелания реализовывать реформаторские установки или, тем более, сабота-

жем со стороны местной бюрократии (образ, формируемый художественной культурой, особенно советского периода). Причина крылась в том, что канцелярский состав местных учреждений в кадровом отношении оставался на протяжении всего периода реформ очень стабильным. Уездные приказные корпорации к началу XVIII столетия представляли собой общности (профессиональные и социальные), формирование которых восходило, усредненно, к середине XVII в. Впитавшие с молоком матери навыки допетровского делопроизводства, они в наименьшей степени оказались годными не то что к трансляции, но к элементарному усвоению новаций.

Несколько иначе обстояло дело с чиновничеством, занимавшим руководящие должности в местном аппарате. Если в первый период реформ воеводский (комендантский) корпус и губернская номенклатура мало отличалась от приказного контингента по своему социокультурному облику и в равной степени была обременена традицией, то к моменту начала «больших» реформ (конец 1710-х — 1720-е гг.), ее состав и облик стали меняться. Во-первых, по сравнению с канцелярским составом, руководящий состав местных учреждений был гораздо мобильней, он подвергался ротации, особенно заметной к указанному хронологическому рубежу в периферийных регионах, в том числе на Урале и в Западной Сибири. Во-вторых, ротация руководящего состава в период второй областной реформы «вбросила» в губернскую и уездную администрацию отставных офицеров, прошедших своеобразную «школу модернизации» в европеизированной петровской армии. Эти люди с большим основанием могли подходить на роль проводников и ретрансляторов новаций, хотя их собственную степень «вестернизации» преувеличивать никак не приходится. Но наиболее результативно трансляция новых установок и ценностей происходила в тех областях деятельности, которые по самой своей природе требовали новаций. В первую очередь к таким сферам деятельности, дававшим мощный модернизационный импульс в провинции и сказывавшимся на всех смежных сферах, относилось промышленное производство. Помимо собственно технической стороны, организация горных и текстильных мануфактур стимулировала перемены модернизационного характера в административном управлении, образовании, прикладном искусстве, повседневном обиходе и т.п. В этом плане анализ личного состава горнозаводской администрации на Урале и его сравнение с гражданскими администрациями края дает очень поучительную картину. Впрочем, подобные «модернизационные прорывы» в провинции можно наблюдать не только на основе уральского материала.

Таким образом, при более пристальном рассмотрении состава правящей (центральной и региональной) элиты, мы можем заметно скор-

ректрировать представления о «топографии модернизационных ретрансляторов», о тех ее группах, которые в той или иной мере, с той или иной степенью осознанности способствовали внедрению и адаптации новаций в российскую среду. Первая, очень узкая, разнородная по происхождению и малочисленная (в масштабах не только страны, но и элиты) группа инициаторов модернизации концентрировалась в ближайшем окружении монарха, в центральном гражданском и военном аппарате. К ней следует отнести (в рамках общей хронологии реформ) не только сановников, русских и иностранцев, вроде Ф. Лефорта, П. Гордона, П.А. Толстого, А.А. Матвеева, А.Д. Меншикова, И. Головкина, Я.В. Брюса, А. Винууса, Г. Фика, А. Любераса и др., но и сенатских и коллежских канцеляристов, в большинстве своем — бывших дьяков и подьячих, которых удалось в короткое время *образовать* (в силу их относительной малочисленности) в духе новаций. Затем следует отметить более широкую (и пока просопографически не выявленную так полно) группу второго плана: офицеров среднего звена, дворян, прошедших зарубежные стажировки, задействованных во втором эшелоне центрального управления и в местных администрациях. Эти люди, также очень разные по своему происхождению и степени инновационных рефлексий, прошедшие выучку Северной войны и административных преобразований, не только передавали импульсы модернизационных идей «вглубь», но и оказывались их ретрансляторами на среднесрочную перспективу. Многие из них уже после смерти Петра Великого окажутся в роли «станового хребта» имперской государственности нового типа. В их числе окажутся столь непохожие, но типологически единые офицеры и чиновники, как В.Н. Татищев и А.П. Вольтер, И.К. Кирилов и А.К. Петрово-Соловово, А.М. Черкасский и Н.Ф. Головин и многие другие. Яркую и важную роль в процессе «начальной» модернизации русской провинции сыграют отраслевые специалисты-управленцы, среди которых окажутся и такие масштабные, заслуживавшие несравнимо большего признания, личности, как В.И. Геннин, и скромные горные офицеры вроде И. Блнера. В третьей группе следует отметить совсем уж «не подсчитанных» и не выявленных *in cogrore* воевод, комендантов, ландратов, земских и подчиненных комиссаров, подьячих отраслевых региональных канцелярий, которые только-то и могут быть причислены к категории «агентов модернизации» в силу приобретения (снова, главным образом, через военную службу) некоторых бытовых и управленческих навыков (вроде ношения мундира, привычки повиноваться уставам и артикулам, пить кофе и курить трубку). Четвертая группа элиты, в подавляющем большинстве — региональной, самая многочисленная категория местных канцеляристов и мелких админи-

страторов, в массе своей окажется теми «волнами, которые гас ветер», средой оказавшейся не только не способной к оперативной трансляции новаций, но и неспособной к их оперативному восприятию. Однако не следует считать эту группу неким консервативно-охранительным оплотом архаических традиций. Именно в этой среде первую очередь происходил сложный, глубинный, во многом интуитивный процесс адаптации инноваций. Отсюда исходил обратный посыл, транслируемый третьей, второй и доходящий до первой группы агентов модернизации и вынуждавший ее инициаторов «поступать против швецкого или что переправя», т.е. приравнивать свои радикальные намерения к социокультурным и ресурсным возможностям страны.

Разумеется, что все вышесказанное очень схематично и становится предметным и аргументированным только в результате тщательного, всестороннего и последовательного применения методов микроисторического исследования, включая просопографические реконструкции и методы семиотического прочтения невербальных текстов, которые являют нам различные поведенческие ситуации действующих лиц изучаемого периода, незаметные и неуловимые на макроуровне. Но только таким способом можно наполнить смыслом обобщающие схемы, дать им возможность корректироваться, а значит – развиваться и задавать новые целеполагающие ориентиры... дальнейшим локальным исследованиям.

Примечания

1. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217.

2. См., например: Румянцева М.Ф. Историческое сознание и историческая наука в ситуации постмодерна // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 41–51.

3. Румянцева М.Ф. Новая локальная история в системе университетского образования // Образ науки в университетском образовании. М., 2005. С. 47–48.

4. Как считает, например, И.Л. Беленький, связывая этот кризис (и не без оснований) с кризисом самих оснований исторической науки – «знания так и не ставшего наукой в ее идеальном, абсолютном понимании». См.: Беленький И.Л. Несколько замечаний к проблеме «кризис исторической науки» // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. С. 66.

5. Побережников И.В. Указ. соч. С. 243–244; Голикова С.В. Модернизация и традиция: отечественный и зарубежный опыт исследований // Российские модернизации XVIII–XX вв.: взаимодействие традиций и новаций. Екатеринбург, 2008. С. 44.

6. Шарф К. Монархия, основанная на законе вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. составитель А.В. Доронин. М., 2008. С. 14–16.

7. Бессмертный Ю.Л. Многоликая история (Проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус–2000: Индивидуальное и локальное в истории / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М., 2000. С. 52–61.

8. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 22; Она же. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 17.

9. Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций... С. 30–35.

10. Редин Д.А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 454–456.

11. Редин Д.А. Организация административного делопроизводства в России в первой четверти XVIII в.: к вопросу о степени модернизации государственного управления // Россия и мир: Панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 561–570.